

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ФРАНЦИЯ XVIII ВЕКА

DOI 10.15826/izv2.2019.21.1.014

УДК 94(44)“1793/1795” + 342.4(44) +
+ 323.27(44)

Д. Ю. Бовыкин

1) *Московский государственный университет*

им. М. В. Ломоносова

2) *Государственный академический университет гуманитарных наук*

Москва, Россия

ЭВОЛЮЦИЯ РЕСПУБЛИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА ВО ФРАНЦИИ (1793–1795)*

Статья посвящена эволюции республиканского политического проекта во времена Первой республики. В качестве реперных точек автором взяты две речи, произнесенные в Национальном Конвенте и предварявшие обсуждение двух республиканских конституций — 1793 г. и III года Республики. Произносившие эти речи депутаты (в первом случае М.-Ж. Эро де Сешель, во втором — Ф.-А. Буасси д'Англа) считались авторами, хотя и не единственными, текстов конституций, оба выступали не от собственного имени, перед обоими стояла задача сформулировать основные положения тех политических проектов, которые воплотились в конституциях. Анализ этих речей показывает, что за два года изменились и понимание целей и задач Республики, и восприятие Французской революции, и представление о том, в какой степени текст конституции должен соответствовать идеям наиболее авторитетных просветителей.

Если в 1793 г. наиболее важными казались сюжеты, связанные с победой революции во всем мире, реализацией в наиболее полной мере демократических принципов и сформулированного просветителями принципа народного суверенитета, то к 1795 г. главными для нового текста конституции становятся опыт прошедших лет, расставание с иллюзиями, упор на практику, а не на теорию. Сохраняется понимание конституции как глобального документа, призванного гармонизировать всю жизнь людей, но уходят в прошлое и космополитические

* Текст подготовлен при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 18-18-00226 «Распространение либеральных ценностей в регионах традиционной культуры периода Французской революции и Наполеоновских войн: методы и результаты».

амбиции, и уверенность в безусловной правоте просветителей. Сама Революция начинает восприниматься без восторга, без иллюзий, а как долгий и трудный путь, пройденный французским народом и сопряженный со многими жертвами и страданиями.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Французская революция; Эро де Сешель; Буасси д'Англа; Конституция 1793 г.; Конституция III года Республики; диктатура монтаньяров; Термидор.

Ц и т и р о в а н и е: Бовыкин Д. Ю. Эволюция республиканского политического проекта во Франции (1793–1795) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 1 (184). С. 196–212.

Поступила в редакцию 21.12.2018

Принята к печати 26.02.2019

Dmitry Yu. Bovykin

1) *Moscow State University*

2) *State Academic University for the Humanities*

Moscow, Russia

THE EVOLUTION OF THE REPUBLICAN POLITICAL PROJECT IN FRANCE (1793–1795)

This article considers the evolution of the republican political project during the era of the First French Republic. The author refers to two speeches delivered in the National Convention which anticipated the discussion about the republican constitutions, i.e. the Constitution of 1793 and the Constitution of the Year III. Deputies who made these speeches (the former was delivered by M.-J. Herault de Sechelles and the latter by F.-A. Boissy d'Anglas) both were considered the authors, although not exclusively, of the constitutions, both spoke not in their own name, both had to formulate the main provisions of the political projects embodied in the constitutions. Analysis of these speeches demonstrates that over two years the understanding of the goals and objectives of the Republic, the perception of the French revolution, and the measure of the extent to which the texts of the constitutions should correspond to the ideas of the most authoritative enlighteners radically changed.

While in 1793 the ideas related to the victory of the Revolution all over the world, the implementation of democratic principles to the fullest extent and the principle of popular sovereignty formulated by the enlighteners, seemed to be the most important, by 1795 these theoretical questions gave way to the experience of the previous years, parting with illusions, and the focus shifted to practical issues. The constitution was still regarded as a global document designed to harmonise all the spheres of people's lives, but the cosmopolitan ambitions and confidence in the enlighteners stayed in the past. The Revolution itself began to be perceived without rapture, without illusions, but as a long and difficult distance covered by the French people which was associated with many sacrifices and sufferings.

К е у о р д с: French Revolution; Herault de Sechelles; Boissy d'Anglas; Constitution of 1793; Constitution of the Year III; Montagnard dictatorship; Thermidor.

Acknowledgements

The text was prepared with the financial support of the *Russian Science Foundation* in the framework of scholarly project 18-18-00226 “The Spread of Liberal Values in the Regions of Traditional Culture during the French Revolution and the Napoleonic Wars: Methods and Results”.

Citation: Bovykin, D. Yu. (2019). Evoliutsiia respublikanskogo politicheskogo proekta vo Frantsii (1793–1795) [The Evolution of the Republican Political Project in France (1793–1795)]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 1 (184), 196–212.

Submitted on 21 December, 2018

Accepted on 26 February, 2019

21 сентября 1792 г. Национальный Конвент торжественно провозгласил упразднение королевской власти во Франции. Теперь ему предстояло выработать новый основной закон страны. Конституционный комитет был избран неделю спустя, однако до восстания 31 мая — 2 июня 1793 г., оставившего монтаньяров без политической оппозиции, он так и не смог разработать проект, который устроил бы депутатов. Напротив, после переворота текст Конституции был предложен для обсуждения практически мгновенно: уже 10 июня с докладом на эту тему выступил М.-Ж. Эро де Сешель [Archives parlementaires, p. 256–259]¹. Обсуждение длилось всего две недели, а затем конституция впервые в истории Франции была вынесена на референдум. 10 августа Конвент торжественно объявил об одобрении конституции французским народом, однако вскоре принял решение не вводить ее в действие до заключения всеобщего мира, выстроив вместо этого систему временного революционного порядка управления.

После переворота 9 термидора разговоры о необходимости ввести Конституцию 1793 г. в действие начались практически сразу: члены Конвента прекрасно понимали, что так и не выполнили свой долг перед избирателями. Но к осени 1794 — весне 1795 г., когда вопрос стал переходить в практическую плоскость, депутатам стало казаться, что это слишком опасно: она создавалась людьми, от которых Конвент давно уже отсекся, ее авторы «хотели увековечить власть в своих руках» [Pelet, p. 9], да и в принципе текст был слишком уж «якобинским». Поначалу ее хотели лишь модифицировать при помощи специальных конституционных законов [Hékel], но в конце концов 18 апреля 1795 г. Конвент создал так называемую Комиссию одиннадцати, которая занялась выработкой принципиально нового текста. На сей раз комиссия работала два с лишним месяца, ее труд был представлен вниманию депутатов лишь 23 июня в докладе Ф.-А. Буасси д’Англа [Boissy d’Anglas]². Спустя еще два месяца, 22 августа, Конвент утвердил предложенный проект, внося в него немало изменений, затем он также был вынесен на референдум и наконец 23 сентября торжественно

¹ Далее речь Эро де Сешеля цитируется по этому изданию с указанием соответствующих страниц.

² Далее речь Буасси д’Англа цитируется по этому изданию с указанием соответствующих страниц.

объявлен принятым. Вскоре Конституция III года Республики (1795) вступила в силу, а Конвент завершил свою работу.

Такова общая канва событий. При этом обращают на себя внимание два момента. Во-первых, пересмотру подвергалась конституция, одобренная народом, хорошо известная населению, уподобляемая в официальной пропаганде скрижалям Завета [см., например: *La Constitution républicaine*]. Во-вторых, оба текста, абсолютно разных, принимал с разницей в два года один и тот же орган, Национальный Конвент, причем примерно в одном и том же составе: некоторые из так называемых «жирондистов» были изгнаны до конца июня 1793 г., но выжили и успели вернуться до лета 1795 г.; несомненно, что в 1795 г. не голосовали монтаньяры, погибшие после термидорианского переворота или исключенные впоследствии, однако в сумме это едва ли пятая часть от всех депутатов и их заместителей, участвовавших в работе Конвента.

Радикальное изменение текста конституции было следствием и конкретных политических пертурбаций, и накопленного депутатами опыта управления страной, но прежде всего за этим стояло изменение базового идеологического проекта. Конституция и предшествовавшая ей Декларация прав человека и гражданина были не просто модифицированы, Декларация прав не просто превратилась в Декларацию прав и обязанностей — изменилось само видение депутатами политической ситуации в стране и будущего государственного устройства.

Особенно ярко эта эволюция видна по тем выступлениям Эро де Сешеля и Буасси д'Англа, которые предваряли конституции и содержали идейное обоснование проектов, играя не только на информационном поле, но и на поле репрезентаций, причем в концентрированном и доступном для понимания и депутатов, и простых граждан виде, поскольку, как это было тогда принято, эти выступления печатались и в Париже, и в провинции, рассылались в департаменты, армии, народные общества. Да и сами ораторы, обращаясь к Национальному Конвенту, имели в виду куда более широкую аудиторию.

Оба депутата выступали не от своего имени, а от имени уполномочивших их органов — Комитета общественного спасения в первом случае и Комиссии одиннадцати во втором. Иными словами, это были тексты, одобренные коллективно, а зачастую и коллективно составлявшиеся. Но и выбор ораторов был не случаен: Эро де Сешель обычно называют главным творцом Конституции 1793 г. [Мадлен, с. 60; Матьез, с. 393; Paganet, p. 245], Буасси д'Англа считается рядом историков одним из наиболее вероятных авторов по крайней мере значительной части Конституции 1795 г. [Guibert-Sledziewski, p. 152; Le Bozec, 1996; Soria, p. 1351; Cobban, p. 250].

Биографии обоих депутатов также весьма показательны. Мари Жан Эро де Сешель — потомственный дворянин, придворный, назначенный с подачи Марии-Антуанетты адвокатом Парижского парламента. Красавец, бонвиван, ценитель и любимец женщин. Участник взятия Бастилии. Депутат Законодательного собрания, во время работы которого перешел с правого фланга на левый и порвал

с двором. Член Якобинского клуба, успевший побывать у Фейянов и вернуться обратно. Депутат Конвента, письменно голосовавший за обвинение короля, но не указавший, за какой вид наказания он высказывается. Член Комитета общественного спасения, где после участия в составлении Конституции занимался в основном вопросами внешней политики. Несколько раз избирался председателем Конвента. Блестящий оратор, произнесший в один день, 10 августа 1793 г., шесть речей. Присоединившийся к Революции скорее по практическим соображениям, нежели по идеологическим. Во многом человек Старого порядка — умный, образованный, либеральный, хотя и без твердых убеждений. Эволюционировавший «справа» «налево», причем по столь причудливой траектории, что историки до сих пор затрудняются связать его с какой-либо политической группировкой [Bertrand; Dard; Kuscinski, p. 330–333; Matonti; Wolikow]. Иными словами, не ультралевый, не санкюлот, не монтаньяр. Поддерживавший политику монтаньяров, но абсолютно свой для Равнины.

Франсуа-Антуан Буасси д'Англа — протестант, адвокат Парижского парламента, затем гофмейстер брата Людовика XVI графа Прованского. До Революции был известным публицистом, членом сразу нескольких провинциальных академий и Парижской академии надписей и изящной словесности. Депутат от третьего сословия в Генеральных штатах. Депутат Конвента, высказавшийся против смертной казни монарха. Сидел на скамьях Равнины, в годы диктатуры монтаньяров лстыл Робеспьеру. Будучи избран после Термидора в Комитет общественного спасения, отвечал за снабжение продовольствием и получил прозвище «Буасси-голод». Примерно в это же время за ним постепенно закрепляется репутация роялиста. Член Института.

После прихода Наполеона к власти член Трибуната и Сената, граф Империи, Великий Командор Ордена Почетного Легиона, пэр во время Ста дней и после Реставрации. Иными словами, опять же либерал, сформированный при Старом порядке. Человек Равнины, сумевший пригодиться всем политическим режимам. Эволюционировал, как и многие другие термидорианцы, сначала «справа налево», а затем «слева направо» [Le Bozec, 1995; Dorigny; Kuscinski, p. 65–67].

Совпадение ли то, что оба конституционных проекта составляли и представляли люди, которых можно назвать, в зависимости от того, как к ним относиться, «реалистами» или «конформистами»? Едва ли. Ни у монтаньяров, ни у организаторов термидорианского переворота никогда не было большинства в Конвенте, оратор не должен был вызывать чувство протеста у большинства депутатов. Для нас тем больше оснований надеяться, что их речи лишены «революционного фанатизма», как тогда говорили, и корректно отражают консенсус, который существовал на тот момент в Конвенте по идеологическим и конституционным вопросам.

Эро де Сешелю нужно было решить три основные проблемы: объяснить, почему, если Конвент способен написать конституцию за две недели, он до сих пор этого не сделал; обосновать переход от монархии к республике (на что

Конвент формально не имел никакого права) и изложить основы будущего государственного устройства. Небезынтересно, что первые две проблемы он предпочел обойти молчанием.

Эро де Сешель не говорит ни слова о том, что Конвент, собственно, был избран для того, чтобы дать стране конституцию, однако не жалеет эпитетов, чтобы показать, с каким нетерпением французы ждут новый основной закон: «Никогда доселе столь великая нужда не терзала целый народ. 27 миллионов человек кричат во весь голос: “Закона!”» (р. 257). Словно не зная о том, что Конвент уже заседает восемь с лишним месяцев, депутат оправдывает спешку тем, что промедление смерти подобно: «Похоже, будет национальным преступлением задержаться хотя бы на день. <...> Нам не терпелось исполнить почетный долг, который вы возложили на нас несколько дней назад и ответить вместе с вами на столь всеобщую потребность» (Ibid).

Несколько иным образом решается вопрос с провозглашением республики: она подается как столь очевидное желание французского народа, что оно не требует никаких доказательств: «французам, которые искренне любят родину, достаточно лишь спросить свои сердца; там начертана Республика» (Ibid). Эта его реплика была встречена коллегами аплодисментами.

Идейную основу конституционного проекта 1793 г. Эро де Сешель описывает следующим образом:

У нас у всех было одно желание: достичь самого демократического результата. <...> Внутренний голос говорил нам, что наше творение, возможно, самое народное из всех когда-либо существовавших; если порой мы и были вынуждены отступить от этой сухой теории, то лишь потому, что не было иной возможности. Ход вещей, абсолютная невозможность претворения в жизнь, истинные интересы народа заставляли нас ей пожертвовать, поскольку недостаточно служить народу, нужно никогда его не обманывать (Ibid).

Депутат никак не поясняет, что именно он имеет в виду, но, как мне видится, он говорит о противоречии между теорией народного суверенитета и тем, как она воплощалась в жизнь в конституции. Даже если забыть о том, что, по Руссо, бывшему тогда одним из самых популярных философов, общая воля в принципе не может быть представлена [Руссо, с. 168], демократия в трудах многих просветителей — это строй, при котором, по определению, верховная власть принадлежит всему народу [Монтескье, с. 169; Жокур де].

Этот сюжет оказывается столь важен, что Эро де Сешель впоследствии к нему возвращается и пытается убедить слушателей следующим образом: отменяется имущественный ценз, вводятся прямые выборы депутатов, однако невозможно, чтобы народ избирал своих представителем единым списком, поэтому они будут выбираться по кантонам. Тем самым, уверяет оратор, «мы приблизимся настолько, насколько возможно, к выражению общей воли, высказываемой индивидуально» (р. 258). Сохраняются и собрания выборщиков, но только не для избрания представителей народа.

Для создания иллюзии того, что верховная власть принадлежит народу, был использован и еще один инструмент: законы выносились на утверждение первичных собраний. Одобрения от них не требовалось, однако если закон был отклонен определенным количеством первичных собраний, в силу он не вступал. Сложно сказать, в какой степени такая схема была реализуема на практике, однако она дала основание Эро де Сешелю заявить:

Французская конституция не может быть исключительно *представительной*, поскольку она не в меньшей степени *демократическая*, нежели представительная. Ведь закон, и это несложно доказать, — отнюдь не декрет. Отныне каждый депутат выступает в двух ипостасях. В отношении законов, которые он выносит на утверждение народа, — уполномоченный, лишь в отношении декретов он будет представителем. Отсюда со всей очевидностью следует, что французский государственный строй представительный лишь в тех вещах, которые народ не может сделать сам (р. 258).

Ответ на вопрос, зачем нужна столь сложная система и для чего ее столь замысловато обосновывать, всё тот же: это позволяло продемонстрировать, что формально новая конституция *почти что* соответствует тому, что писали наиболее авторитетные в то время просветители. По Руссо, законы — акты общей воли, а решения конкретных лиц, облеченных властью, — декреты. Поскольку воля не может быть представлена, «депутаты народа, следовательно, не являются и не могут являться его представителями; они лишь его уполномоченные; они ничего не могут постановлять окончательно». В то же время, любое государство, управляемое посредством законов, — Республика [Руссо, с. 177–178, 222]. По Монтескье также «к основным законам демократии принадлежит и тот, в силу которого власть издавать законы должна принадлежать только народу» [Монтескье, с. 173]. Кроме того, «народ, обладающий верховной властью, должен делать сам все, что он в состоянии хорошо выполнить, а то, чего он не может выполнить, он должен делать через посредство своих уполномоченных» [Там же, с. 170].

Отдельно Эро де Сешель останавливается на способе организации исполнительной власти. Он несколько раз напоминает, что члены предусмотренного конституцией многочисленного исполнительного совета — не представители народа, они лишь посредники между законодателями и министрами, они — гарантия для народа, что министры не станут действовать бесконтрольно. Однако и сами они играют подчеркнуто подчиненную роль по сравнению с депутатами, что, в свою очередь, гарантирует, что власть исполнительная не захочет взять верх над законодательной.

И эту систему трудно не считать излишне замысловатой. Здесь Эро напрямую ссылается на Руссо: разработчики конституции учли мысль философа о том, что, с одной стороны, государству с большим количеством населения требуется сильное правительство, а с другой — эффективное правительство предполагает различные структуры, ему подчиненные, и «трудности заключаются в способе дать в целом такое устройство этому подчиненному целому, чтобы оно не повредило общему устройству, укрепляя свое собственное» [Руссо, с. 193, 195].

Значение новой конституции мыслится Эро де Сешелем не столько во французском, сколько в куда более глобальном масштабе. День, когда она появится, «станет днем возрождения для Франции, днем революции для всей Европы» (р. 257). Оратор говорит не о правах человека, но о «правах человечества». В рамках космополитических и мессианских тенденций, характерных для Французской революции, всё это не удивительно. Любопытен лишь разворот, которые обретает эта идея в выступлении Эро де Сешеля. Мыслилось, что французы не просто покажут пример другим народам, не просто принесут им свободу. Достаточно одного «правильного» текста, одного образца, чтобы народы сами осознали всю разницу между их деспотическими режимами и французской свободой и сами, даже без помощи французских войск, поднялись на борьбу с «тиранами»:

Пусть Хартия, которую вы посвятите мудрости человечества, в первую очередь вернет всех наших братьев, притушит раздоры на местах, погасит факелы беспорядков и огни войны, приведет в ужас королей, утешит народы, пусть наши воинственные армии, одержав великие победы, победы разума, смогут вернуться к своим очагам, пусть она завоюет для человечества зарубежные народы и посадит наконец оливковые ветви во всех крепостях (р. 259).

Таким образом, республиканский политический проект, сформулированный в речи Эро де Сешеля (и, соответственно, в Конституции 1793 г.) был весьма лаконичен: Республика как естественное желание всех французов, республиканская конституция как текст, способный создать всемирную республику и прекратить войны на всей земле.

Речь, произнесенная в том же самом Национальном Конвенте спустя два года Буасси д'Англа, выстроена совсем в иной тональности. Безусловно, Конституция по-прежнему видится ключевым текстом эпохи, от которого зависит все даже не на национальном или наднациональном, а воистину на космическом уровне:

Судьбы двадцати пяти миллионов человек в ваших руках. От вас зависит сделать так, чтобы свет пришел наконец на смену тьме, порядок — хаосу, счастье — мучениям, отдых — волнениям, справедливость — произволу, свобода — распушенности, общественное доверие — недоверию частного интереса, и все истины общества — катастрофическим химерам анархии³ (р. 4).

Однако сложно не заметить: мечты о том, что «французский флаг не может развеваться над Лондоном и Парижем и не появиться вскоре по всему земному шару» [Cloots, р. 144] ушли в прошлое. 25 миллионов человек — это Франция и только Франция. Развал первой антифранцузской коалиции, уже заключенный мир с Пруссией и готовящееся мирное соглашение с Испанией, — все говорило о том, что война идет к концу, а надежды на всемирную революцию не оправдались.

³ «Анархия» — слово чрезвычайно многозначное в революционном лексиконе. При Термидоре так обычно называли время правления монтаньяров.

В отличие от Эро де Сешеля, Буасси видит необходимость как-то оправдать задержку с принятием конституции: все же к лету 1795 г. Конвент работал уже без малого четыре года.

С одной стороны, напоминает оратор, Франция подвергалась опасности со всех сторон, лишь теперь депутаты получили возможность не быть «гладияторами свободы», а стать ее «истинными основателями»: «мы больше сражались за само существование Франции, нежели за ее счастье». С другой стороны, только после казни Робеспьера и его сторонников Конвент сделался по-настоящему свободным. Кроме того, конституция завершает революцию, а Буасси представляет все события последних лет как череду революций, последняя из которых была совсем недавно: это «великая и благотворная революция» (р. 15) 9 термидора. За прошедший год Конвент успел многое сделать, и теперь ему предстоит завершить свои труды: дать Франции «свободную конституцию; конституцию, которая предотвратит возвращение тирании, уничтожив анархию, при помощи которой возвышаются все тираны» (р. 15–16). Любопытно, что Буасси называет ее «окончательная конституция» (р. 16), намекая на то, что две конституции уже были приняты и революцию не остановили.

Конституция по-прежнему видится способом закончить Революцию, однако теперь речь идет не столько о победах, сколько об отдыхе после долгих лет смуты. Революция у Буасси не праздник, не победное шествие по миру истинной Свободы. «Окиньте взглядом бескрайнее поле нашей Революции, уже покрытое столькими развалинами, которые почти повсюду несут на себе следы тех разрушений, которые приносит время; это поле славы и скорби, где смерть собрала свою жатву и где свобода одержала столько побед» (р. 7).

Это совершенно не значит, что Буасси принижает Революцию: она подается как итог развития идей Просвещения, ее принципы запечатлены в сердце каждого. Но в этих условиях Конвент должен не просто написать конституцию; он обязан создать текст, который положит конец этим бедам, а для этого требуется проанализировать всю Французскую революцию и понять, в чем были ее причины и почему ни одной политической группировке так и не удалось ее окончить.

Мы прожили за шесть лет шесть веков, пусть же опыт, стоивший столь дорого, не будет вами утрачен, — призывает коллег Буасси д'Англа. — Пришло время извлечь уроки из преступлений монархии, ошибок Учредительного собрания, колебаний и отступлений назад Законодательного собрания, злодеяний тирании децемвиров, бедствий анархии, бед Конвента, ужасов гражданской войны; лишь размышляя над кратким перечнем причин революции, прогрессом общественного мнения, бурной смене точек зрения и событий, лишь помня об отправной точке, пути, по которому вы идете, о том месте, на котором вы находитесь, вы сами можете выбрать ту цель, которой хотите достичь (Ibid.).

Анализ Французской революции, предложенный Буасси, неспешен и кропотлив. Основную ее причину он видит в том, что в основе государственного строя лежали тирания и предрассудки. Заслуги Учредительного собрания

бесчисленны, и все же «оно не решилось завершить свое творение провозглашением республики» (р. 9), и поэтому потребовалась новая революция, свергнувшая королевскую власть. Однако «первые мгновения Республики были запятнаны негодьями, придумавшими план [ее] узурпации» (р. 11). План этот опирался на Парижскую Коммуну и Якобинский клуб, «созданный в равной мере и для того, чтобы свергнуть тирана, и для того, чтобы создать нового» (Ibid.).

Конвенту пришлось «с огромным трудом и безуспешно» (Ibid.) бороться с Коммуной, хотя главной причиной бедствий, которые постигли Францию, Буасси называет отсутствие единства в стенах самого национального представительства, что и позволило взять над ним верх «людям без принципов, переполненным спесью, жаждущим крови» (р. 12), желающим воздвигнуть трон на развалинах Республики.

Перед оратором стоит непростая проблема: объяснить, почему практически те же самые депутаты, что слушают его в 1795 г., с таким восторгом поддерживали изгнание «жирондистов», предложения робеспьеристов и Конституцию 1793 г.? Буасси делает это следующим образом: большинство Конвента выступало против Робеспьера, но Коммуна обладала вооруженной силой, а филиалы Якобинского клуба были по всей стране. И тогда депутатам, «чтобы сохранить надежду спасти однажды родину, пришлось на время покориться буре и отдать государственный корабль на волю ветров анархии» (Ibid.), а затем самые отважные члены Конвента и вовсе были из него изгнаны.

Эта трактовка недавних событий помогает Буасси д'Англа прокомментировать, почему было решено отказаться от Конституции 1793 г., ведь еще несколько месяцев назад лидеры Конвента во всеуслышание объявляли, что «она принималась не в этом зале, а на народных собраниях, она уважаема и не может подвергаться нападкам» (Выступление Э.-Ж. Сийеса 4 жерминаля III года Республики) [Réimpression, p. 59].

Наш долг заявить вам, — провозгласил Буасси, — что эта конституция, задуманная честолюбцами, составленная интриганами, продиктованная тиранией и одобренная страхом, является лишь неоспоримым сохранением всех элементов хаоса, инструментом, предназначенным для того, чтобы служить алчным корыстолюбцам, интересам людей суетных, спеси невеж и амбициям узурпаторов (р. 19).

После свержения тиранов необходимо «похоронить их одиозное детище в той же могиле, что поглотила их самих» (Ibid.). Но как же тогда быть с всенародным утверждением конституции? Буасси выбирает единственный, пожалуй, уместный, хотя и далеко не безупречный способ лишить ее легитимности: хотя Конституция 1793 г. была утверждена на референдуме, «...вся Франция, признавая, что ее тиранили, в достаточной степени признала недействительным это так называемое одобрение <...> и присоединение всех французов к преследованию наших тиранов обрекает на презрение их систему, их планы и их гнусные законы» (р. 25–26).

Эти слова стали радикальным разрывом со всем, что говорилось в стенах Конвента прежде: критика Конституции 1793 г., хотя и звучала, ни разу не получила поддержки депутатов, а Комиссия одиннадцати была формально создана «для подготовки законов, необходимых, чтобы ввести в действие конституцию» [Réimpression, p. 248]. Теперь, после народных восстаний в жерминале и прериаля, слова оратора не вызвали у его коллег никакого протеста.

Конституция 1793 г. не просто не подходит Франции в 1795 г.: следуя логике доклада, она и не может служить никому, кроме своих творцов, поскольку «ее слабость, даже ее абсурдность была задумана так, чтобы закон никогда не стал сильным» (р. 19). Хотя Комиссия одиннадцати и пыталась почерпнуть из нее что-то полезное, это оказалось невозможным. К тому же после прериальских событий опасность введения этой конституции в действие стала очевидной: Буасси имеет в виду не только то, что восставшие этого требовали, но и то, что текст 1793 г. постулировал право на восстание. Иными словами, плоха не просто сама конституция монтаньяров, плохи ее принципы.

Соответственно, лейтмотивом всей речи Буасси д'Англа становится призыв построить новую конституцию на совершенно иных принципах.

Конвент, — заявлял он, — дошел до той грани, когда, стоя над всяким личным интересом, ложными взглядами, мелкими идейками, он должен без страха довериться собственным познаниям, он должен отважно отринуть иллюзорные принципы абсолютной демократии и безграничного равенства, которые, без всяких сомнений, являются самыми опасными подводными камнями для истинной свободы (р. 27).

Так в третий раз за шесть лет была переписана Декларация прав; на сей раз ее дополнили Декларацией обязанностей (эта идея высказывалась еще в 1789 г.). Суть новой редакции Декларации Буасси сформулировал следующим образом: мы «заменяли ясными определениями расплывчатые, туманные и вводящие в заблуждения выражения, которые могут лишь сбивать с толку» (р. 68). В первую очередь это касалось права на восстание и естественных прав человека, которые к 1795 г. стали казаться пустыми философскими абстракциями.

На смену этим принципам должны были прийти иные: «свобода, правосудие и равенство» (р. 8), понимаемое исключительно как равенство перед законом. Необходимо, чтобы «воцарилось спокойствие без подавления, свобода без волнений, правосудие без жестокости, человечность без слабости» (р. 26). Таким образом, новая Конституция становилась, в определенном смысле, антиподом той, что породила диктатуру монтаньяров. «Вы жаждете правосудия, — говорил Буасси д'Англа, обращаясь не столько к депутатам, сколько ко всем французам, — вы желаете отдыха; законы, которые мы вам предлагаем, будут основываться на первом и гарантируют вам второй» (р. 75). Идеология 1795 г. — это идеология гармонии: «...республиканская конституция <...> должна наконец гарантировать собственность богатых, существование бедных, имущество занимающегося производством, свободу и безопасность каждого» (р. 26).

Главный теоретический вопрос, на котором, как и Эро де Сешелю, приходится остановиться Буасси д'Англа: что делать с принципом народного суверенитета,

поскольку именно здесь разрыв между теорией и практикой раз за разом оказывался максимальным. «Чистая правда, что принимаемые <...> законы должны были выноситься на утверждение народа, — признавал Буасси, — но те, кто придумал эту статью, прекрасно знали, что первичные собрания невозможно созывать столь часто, а еще труднее заставить такое количество граждан обсуждать законодательные вопросы» (р. 21), это сделало бы обсуждение «практически постоянным» (Ibid.), люди перестали бы заниматься сельским хозяйством, торговлей, промышленностью. К тому же, в соответствии с Конституцией 1793 г., закон отклоняло меньшинство, а не большинство населения.

Отказ от принципа народного суверенитета был, разумеется, немислим, и Комиссия одиннадцати приняла соломоново решение: зафиксировать в Декларации прав, что «закон есть выражение общей воли, выраженной большинством или граждан, или их представителей» (ст. 6), оставить и разработку, и принятие законов представителям народа и записать в конституции, что «совокупность всех французских граждан является сувереном» (ст. 17), что практически повторяло формулировку монтаньяров.

Не было существенно ограничено по сравнению с 1793 г. и право гражданства. Буасси подчеркивал, что «...бедность неимущих должна пользоваться такой же защитой, как и изобилие богатых» (р. 29), что «...не следует разделять народ на две части, одна из которых будет очевидно находиться в подчиненном положении, тогда как другая будет сувереном» (р. 29–30). Из числа граждан исключались лишь те, кто не платил налогов, поскольку «...каждый член общества должен принимать участие в его расходах, сколь бы скромным ни было его имущественное положение» (р. 31), и те, кто находился в услужении. «Мы считали, — говорил коллегам Буасси, — что каждый гражданин должен <...> быть свободным и независимым; в то время как тот, кто является прислугой, не кажется нам ни первым, ни вторым; по сути, он утратил свою независимость от природы, он обменял часть своей свободы на жалование» (р. 30). Также предлагалось не предоставлять гражданства тем, кто не умеет читать и писать и не владеет никакой профессией, но эти статьи были отложены и в итоге так и не вступили в силу.

В то же время для депутатов вводился имущественный ценз — необходимость обладания земельной собственностью. Причину этого Буасси д'Англа сформулировал в своей знаменитой фразе: «Нами должны управлять лучшие» (р. 27). Он пояснял:

Лучшие более образованны и более заинтересованы в поддержании законов; иными словами, за малыми исключениями, вы найдете таких людей лишь среди тех, кто, обладая собственностью, привязан к стране, в которой он ей владеет, к законам, которые ее защищают, к покою, который ее сохраняет, и кто обязан этой собственности и достатку, который она обеспечивает, образованию, которое делает их достойными мудро и резонно обсуждать преимущества и недостатки законов, определяющих судьбу их родины (р. 27–28).

Люди же лишённые собственности, напротив, как показывает недавний опыт, будут стремиться к постоянным политическим пертурбациям.

Введение имущественного ценза стало для многих историков важнейшим маркером, разделяющим конституции 1793 и 1795 гг. Еще полвека назад в отечественной науке было принято считать, что если «якобинская конституция 1793 г. была одной из самых демократических буржуазных конституций Нового времени», то «глубоко антидемократическая конституция третьего года должна была увековечить господство хищнической термидорианской буржуазии» [Манфред, с. 145, 205]. Однако и многие другие исследователи, которых трудно заподозрить в приверженности марксизму-ленинизму, говорили, хотя порой и в смягченной форме, очень похожие вещи. Причина проста: эта традиция — кровь и плоть классической историографии Революции. «Конституция 24 июня 1793 года является наиболее демократической из всех французских конституций», — торжественно провозглашал А. Олар [1938, с. 373]. Текст 1795 г. воспринимался им принципиально иначе: «Основной чертой этой конституции была отмена демократической системы, установленной 10 августа 1792 г. <...> к республике был применен буржуазный порядок» [Там же, с. 663].

Даже если не учитывать того, что Конституция 1793 г. так никогда и не была введена в действие, из-за чего крайне сложно рассуждать о ее демократичности, в основе обоих текстов, как мы видели, лежали, по сути, одни и те же принципы: всё решал не народ, а представители народа, сувереном считалось не всё население страны, а лишь граждане, правом голоса обладал не каждый, его были лишены, пользуясь терминологией М. Тропера, те, кто находился в состоянии «*inferiorité naturelle*», т. е. по природе своей занимал подчиненное положение [Тропер, р. 156]. В это число входили, в частности, женщины и дети. При Термидоре к ним добавились и не уплачивающие налоги. Не было ничего нового и в опоре на собственность: еще почти полвека назад, анализируя Конституцию 1793 г., А. В. Гордон отмечал, что ее «краеугольным камнем было право собственности» [Гордон, с. 155].

Тем не менее, Конституция III года Республики действительно стала кардинальной модификацией республиканского политического проекта, но исключительно в плане, пусть и по возможности завуалированного, отказа от теоретических построений в пользу практики. Если в 1793 г. Конвент на теоретическом уровне пытался (или делал вид, что пытался) сделать ставку на сочетание прямой и представительной демократии, базирующихся на принципе народного суверенитета, то теперь выбор был сделан в пользу стабильности нового политического режима.

Депутаты исходили из того, что важные решения должны принимать лишь те, кто обладает собственностью, на кого общество может положиться. Две предыдущие Ассамблеи, говорил Буасси д'Англа, вынуждены были «потакать не знающему границ энтузиазму; нам же позволено прислушаться к не желающему злоупотреблений разуму» (р. 17). «Институты, которые были полезнее всего для защиты духа свободы, для воодушевления народа и для победы над деспотизмом были по тем же самым причинам разрушительны для той новой формы правления, которую предстояло установить» (Ibid.). Иными словами, энтузиазм

народа полезен для разрушения, для созидания же нужны совершенно иные люди и инструменты.

Вместо демократического утверждения законов Комиссия одиннадцати предложила демократические выборы: «Избирательная система, принятая в Конституции 1791 года, имела воистину гибельные последствия, она заменила прямой выбор народа выбором представляющей его ассамблеи. Мы должны были найти иной вариант. Мы сохранили за народом возможность напрямую назначать своих законодателей и магистратов» (р. 65). Аналогичная модель использовалась и в Конституции 1793 г., однако Комиссия решила ее модифицировать: избирать не одного депутата от 40 000 человек, что открывает дорогу «интриге и посредственности» (Ibid.), а сделать так, чтобы каждый голосовал за всех депутатов, выдвинутых от департамента. Впрочем, в ходе дискуссии Конвент принял решение вернуться к институту выборщиков, поскольку, с точки зрения многих депутатов, разрозненным первичным собраниям было бы трудно договориться о единых кандидатах. К тому же появлялась возможность ввести на уровне выборщиков имущественный ценз, освободив от него будущих депутатов.

Еще один принцип, заложенный в Конституции 1793 г., который подвергся жесткой критике в речи Буасси д'Англа, — доминирование законодательной власти над исполнительной при отсутствии ей каких-либо реальных противовесов. «Этот исполнительный совет, — говорил оратор, — лишенный достоинства, силы, прочности, состоит из такого количества членов, что сохранение тайны и быстрота действия никогда не станут его уделом» (р. 23). Хотя кандидатов должны были называть выборщики, совет избирался Законодательным корпусом, который в любой момент мог выдвинуть обвинения против его членов, и никаких правил на сей счет в конституции не содержалось.

Критикуя подчинение исполнительной власти законодательной, Комиссия одиннадцати должна была предложить иную модель взаимоотношений между властями. В докладе Буасси был сделан упор на обеспечение истинного равновесия трех властей, причем в качестве теоретического обоснования необходимости этого шага депутат ссылался не на Монтескье, а на Джона Адамса, бывшего в то время вице-президентом Соединенных Штатов (перепутав его, правда, с Сэмюэлем Адамсом, губернатором Массачусетса). Однако, в отличие от привычной нам модели разделения властей на исполнительную, законодательную и судебную, Буасси д'Англа говорил о разделении властей между Директорией и двумя Советами: Совет пятисот предлагает закон, Совет старейшин его утверждает, Директория исполняет.

Осудив слишком слабую исполнительную власть в Конституции 1793 г., Комиссия одиннадцати, тем не менее, не решилась предложить создать пост президента⁴, вверив исполнительную власть пяти Директорам. Но даже такое решение потребовало отдельного обоснования: «Вы на нее всегда нападали

⁴ Хотя, если верить воспоминаниям члена Комиссии А.-К. Тибодо, такие предложения и звучали [Thibaudeau, p. 183].

и ослабляли ее, поскольку вы стремились уничтожить грозивший вам трон. Сегодня же вы должны ее усилить, поскольку перед вами стоит задача не свергнуть, а укрепить правительство; вы должны окружить ее мощью, уважением и блеском; вы должны удалить от нее как можно больше все, что может ее притеснять и поработать, поскольку она также хранительница немалой части власти народа» (р. 46–47). Не рискнула Комиссия предложить и избрание исполнительной власти всем народом, посчитав, что тогда ее легитимность будет выше легитимности депутатов, каждого из которых избирает лишь департамент: предполагалось, что избирать ее будет Законодательный корпус, но далее она будет от него независима.

Таким образом, к 1795 г. республиканский политический проект претерпел значительные изменения. Речь Эро де Сешеля — это речь человека, который словно не верит (или всерьез не планирует), что Конституция 1793 г. сможет положить конец революции. Лозунг построения всемирной республики выдвигается им в то время, когда Франция ведет войны с державами первой антифранцузской коалиции. Разрабатывая механизмы одобрения законов первичными собраниями, депутаты будто забывают о том, что в стране идут мятежи; к концу июня 60 департаментов поднимутся против Конвента.

Пройдет два года, и, заплатив за это немалую цену, депутаты Национального Конвента избавятся от многих иллюзий. В основе проекта 1795 г. лежат рациональность, гармония, компромисс. Это проект не для революции, которая продолжается, а для революции, которая должна быть завершена. Его цель не в том, чтобы создать всемирную республику, а в том, чтобы подарить Франции долгожданные покой и стабильность. Конституция пишется на долгие годы, ее пересмотр возможен, но чрезвычайно затруднен и не может произойти быстро.

Граждане, занимающие любое положение в обществе, принадлежащие к любой группировке, высказывающие любые мнения, — говорит Буасси д'Англа, обращаясь ко всем французам, — вы нуждаетесь в том, чтобы ничего более вас не разделяло, вы нуждаетесь том, чтобы простить друг друга, вы нуждаетесь в том, чтобы не путать более ошибку с преступлением, приверженность древним предрассудкам и заблуждение в ряде принципов с изменой и разбоем (р. 76).

Финальным аккордом должна была стать (и стала) политическая амнистия: «Слова мира и единства, любви и братства прогремят от одного края Франции до другого и станут вознаграждением за наши труды, компенсацией за наши страдания» (Ibid.).

Впрочем, и этот проект не станет окончательным. В конце 1799 г. республика вновь преобразится, и всё та же цель — примирить расколотое революцией общество и достичь компромисса — встанет уже перед Наполеоном Бонапартом.

Источники

Жокур Л. де. Демократия // История в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера. Л. : Наука, 1978. С. 104–109.

Монтескье Ш. О духе законов // Монтескье Ш. Избранные произведения. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1955. С. 159–733.

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М. : Наука, 1969. С. 151–256. Archives parlementaires. 1ère série. Paris : Paul Dupont, 1904. Vol. LXVI.

Boissy d'Anglas F.-A. Projet de constitution pour la République française, et discours préliminaire prononcé par Boissy d'Anglas, au nom de la Commission des onze, dans la séance du 5 messidor an III. Paris : Impr. de la République, an III.

Cloots A. Orateur du genre humain, ou Dépêche du prussien Cloots au prussien Hertzberg. Paris : Desenne, 1791.

Hékel J.-M. Nécessité des lois organiques, ou la constitution de 1793 convaincue de jacobinisme. Paris : Maret, an III.

La Constitution républicaine, semblable aux tables de Moïse, sort du sein de la Montagne au milieu de la foudre: [estampe]. Paris : chez le c.en Allais, [1793].

Pelet J. Opinion sur la situation extérieure et intérieure de la France, avec quelques observations sur la constitution de 1793. Paris : Impr. nationale, an III.

Réimpression de l'ancien Moniteur. Paris : Henri Plon, 1862. Vol. 24.

Thibaudeau A. C. Mémoires sur la Convention et le Directoire. Paris : Baudouin frères, 1824. Vol. 1.

Исследования

Гордон А. В. Классовая борьба и конституция 24 июня 1793 г. // Французский ежегодник. 1972. М. : Наука, 1974. С. 154–174.

Мадлен Л. Французская революция. Берлин : Слово, 1922. Т. 2.

Манфред А. З. Великая французская революция. М. : Наука, 1983.

Матвез А. Французская революция. Ростов н/Д : Феникс, 1995.

Олар А. Политическая история Французской революции. М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1938.

Bertrand J. Essais et Notices — La vie et l'œuvre d'Hérault de Séchelles // Revue des Deux Mondes. 1907. Т. 37. P. 234–240.

Cobban A. A History of Modern France. Middlesex : Penguin Books, 1963. Vol. 1.

Dard E. Un Épicurien sous la Terreur : Hérault de Séchelles (1759–1794), d'après des documents inédits. Paris : Perrin et Cie, 1907.

Dorigny M. Boissy d'Anglas // Dictionnaire historique de la Révolution française / sous la dir. d'A. Soboul. Paris : PUF, 1989. P. 127–128.

Guibert-Sledziewski E. Daunou et la question des garanties individuelles // Les droits de l'homme et la conquête des libertés / prés. de M. Vovelle ; rapp. de synthèse de J. Imbert ; textes réunis par G. Chianéa ; ill. réunie par R. Chagny. [Grenoble] : Presses universitaires de Grenoble, 1988. (Actes du colloque de Grenoble-Vizille 1986). P. 150–155.

Kuscinski A. Dictionnaire des conventionnels. Brueil-en-Vexin : Editions du Vexin Français, 1973.

Le Bozec C. Boissy d'Anglas, un grand notable libéral. Privas : Fédération des œuvres laïques de l'Ardèche, 1995.

Le Bozec C. Boissy d'Anglas et la Constitution de l'an III // 1795. Pour une République sans Révolution / sous la dir. R. Dupuy. Rennes : Presses universitaires de Rennes, 1996. P. 81–90.

Matonti F. Marie-Jean, ou l'oubli. Hérault de Séchelles [Electronic resource] // Humanité. 23 juillet 2009. URL : <https://www.humanite.fr/node/421034> (accessed: 20.12.2018).

Paganel P. Essai historique et critique sur la Révolution française. Paris : C.-L.-F. Panckoucke, 1815. Vol. 2.

Soria G. Grande histoire de la Révolution française. Paris : Bordas, 1988. Vol. 3.

Troper M. Terminer la Révolution. La constitution de 1795. Paris : Fayard, 2006.

Wolikow C. Hérault de Séchelles // Dictionnaire historique de la Révolution française / sous la dir. d'A. Soboul. Paris : PUF, 1989. P. 547–549.

References

- Aulard, A. (1938). *Politicheskaia istoriia Frantsuzskoi revoliutsii* [The Political History of the French Revolution]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo. (In Russian)
- Bertrand, J. (1907). Essais et Notices — La vie et l'œuvre d'Hérault de Séchelles. *Revue des Deux Mondes*, 37, 234–240. (In French)
- Cobban, A. (1963). *A History of Modern France* (Vol. 1). Middlesex: Penguin Books.
- Dard, E. (1907). *Un Épicurien sous la Terreur : Hérault de Séchelles (1759–1794), d'après des documents inédits*. Paris: Perrin et Cie. (In French)
- Dorigny, M. (1989). Boissy d'Anglas. In d'A. Soboul (Ed.), *Dictionnaire historique de la Révolution française* (pp. 127–128). Paris: PUF. (In French)
- Gordon, A. V. (1974). Klassovaia bor'ba i konstitutsiia 24 iunია 1793 g. [Class Struggle and the Constitution as of June 24, 1793]. *Frantsuzskii ezhegodnik*. 1972, 154–174. (In Russian)
- Guibert-Sledziewski, E. (1988). Daunou et la question des garanties individuelles. In M. Vovelle et al. (Eds.), *Les droits de l'homme et la conquête des libertés. Actes du colloque de Grenoble-Vizille* (p. 150–155). Grenoble: Presses universitaires de Grenoble. (In French)
- Kuscinski, A. (1973). *Dictionnaire des conventionnels*. Brueil-en-Vexin: Editions du Vexin Français. (In French)
- Le Bozec, C. (1995). *Boissy d'Anglas, un grand notable libéral*. Privas: Fédération des œuvres laïques de l'Ardèche. (In French)
- Le Bozec, C. (1996). Boissy d'Anglas et la Constitution de l'an III. In R. Dupuy (Ed.), *1795. Pour une République sans Révolution* (pp. 81–90). Rennes: Presses universitaires de Rennes. (In French)
- Madelin, L. (1922). *Frantsuzskaia revoliutsiia* [French Revolution] (Vol. 2). Berlin: Slovo. (In Russian)
- Manfred, A. Z. (1983). *Velikaia frantsuzskaia revoliutsiia* [The Great French Revolution]. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Mathiez, A (1995). *Frantsuzskaia revoliutsiia* [The French Revolution]. Rostov-on-Don: Feniks. (In Russian)
- Matonti, F. (2009, 23 juillet). Marie-Jean, ou l'oubli. Hérault de Séchelles. *Humanité*. (In French)
- Paganel, P. (1815) *Essai historique et critique sur la Révolution française* (Vol. 2). Paris: C.-L.-F. anckoucke. (In French)
- Soria, G. (1988). *Grande histoire de la Révolution française* (Vol. 3). Paris: Bordas. (In French)
- Troper, M. (2006). *Terminer la Révolution. La constitution de 1795*. Paris: Fayard. (In French)
- Wolikow, C. (1989). Hérault de Séchelles. In d'A. Soboul (Ed.), *Dictionnaire historique de la Révolution française* (pp. 547–549). Paris: PUF. (In French)

Бовыкин Дмитрий Юрьевич

доктор исторических наук, доцент
кафедры новой и новейшей истории
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ломоносовский проспект, 27,
корп. 4;
ведущий научный сотрудник лаборатории
западноевропейских и средиземноморских
исторических исследований
Государственный академический
университет гуманитарных наук
119049, Москва, Мароновский пер., 26
E-mail: bovykine@yandex.ru

Bovykin, Dmitry Yuryevich

Dr. Hab. (History), Associate Professor,
Moscow State University
27-4, Lomonosovsky Ave.,
119991 Moscow, Russia;
Leading Researcher
Laboratory of Western European
and Mediterranean Historical Studies
State Academic University
for the Humanities
26, Maronovsky Lane,
119049 Moscow, Russia
Email: bovykine@yandex.ru